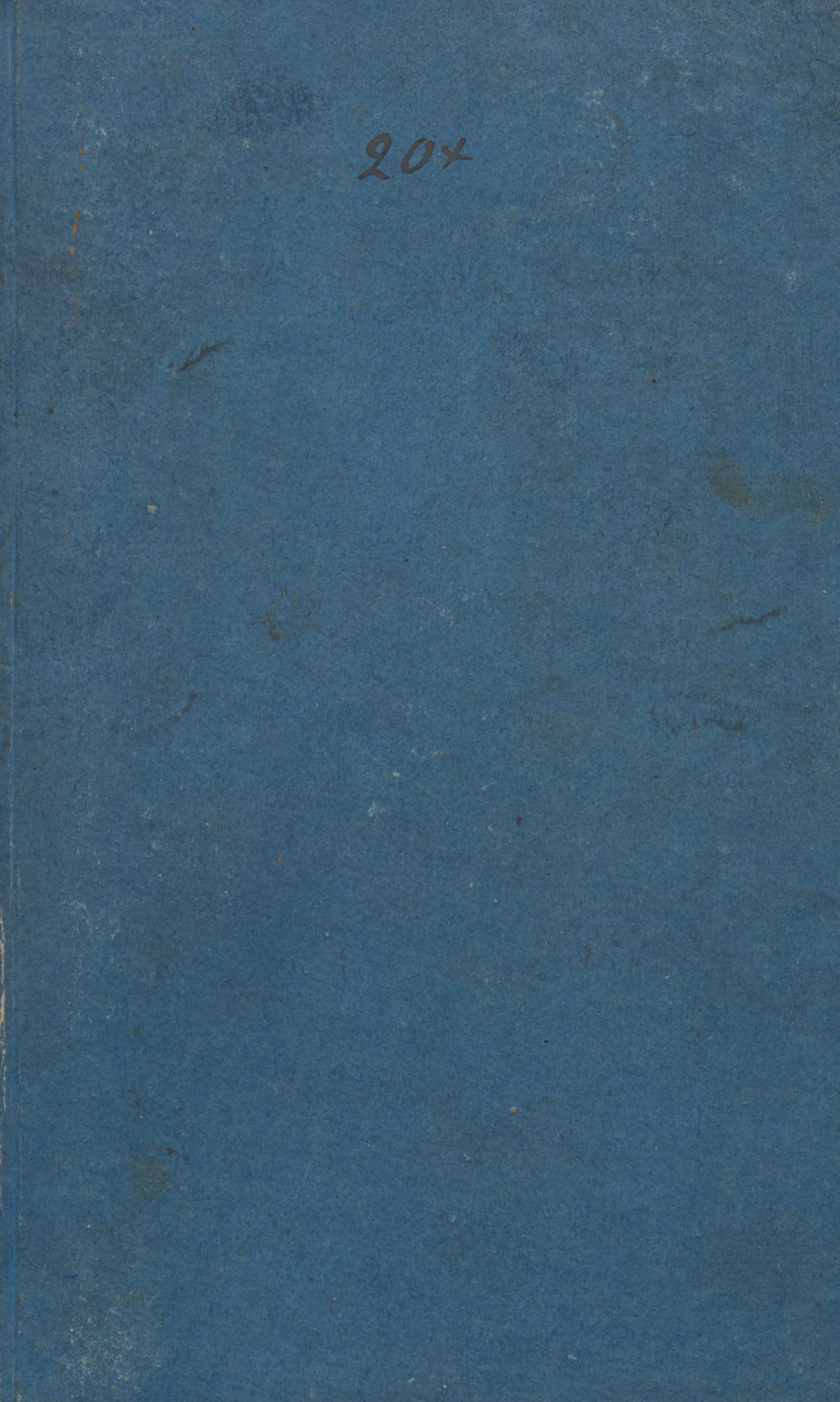

20+

АѲИНАГОРА

АѲИНЕЙСКАГО ФИЛОСОФА

И ХРИСТІАНИНА

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

Воскресеніи мертвыхъ

Переведено съ Еллиногреческаго языка Михайломъ Протопоповымъ.

Печатано въ Санктпетербургской Святѣйшаго Сѵнода тѵпографіи 1791 года. иждивеніемъ М. П.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ
О
СОЧИНИТЕЛѢ.

Святѣйшая и чистѣйшая истинна хрїстїанскаго исповѣданїя сколько сама по себѣ неоспорима и непоколебима, столько обращающїеся въ древности изъ язычества въ христїанство признавали и утверждали то своимъ писанїемъ. Въ числѣ таковыхъ находимъ Аѳинагора, жившаго во второмъ столѣтїи, или во 177 мъ году по воплощенїи слова Божїя въ государствованїе Римскихъ Императоровъ М. Аврелїя Антонїя, и Л. Аврелїя Коммода. Крайняго достойно сожаленїя, что

что почти никакого не дошло до насъ свѣденія о житіи сего сочинителя, когда сокрыты остались отъ насъ его родители, званіе и конецъ жизни, а только извѣстно объ немъ отъ части слѣдующее. Отечество его составляли Аѳины, градъ нѣкогда толико прославившійся учеными мужами, въ которомъ пребывая посвятилъ себя любомудрію тогдашняго времени. Симъ надмившись по обыкновенію Аѳинянамъ свойственному, устремился было здѣлать возраженіе противъ міроспасительнаго свѣта, а чтобъ удобнѣе достигнуть своего намѣренія, то желая употребить себѣ въ пособіе самое основаніе, на которомъ утверждается

христіанское

христїанское ученїе, углубился въ чтенїе Священнаго Писанїя. Но благодать Божїя, зовущая всякаго человѣка ко спасенїю, такую произвела перемѣну въ его сердцѣ, что онъ оставя языческую прелесть, принялъ христїанскую вѣру, и разумъ свой напоивъ словомъ Божїимъ, сїе острое и сильное оружїе обратилъ противъ враговъ истинны, во тмѣ заблужденїя пресмыкающихся. На конецъ пренебрегши и свое отечество, преселился въ Александрїю, гдѣ потомъ былъ Ректоромъ Богословскаго училища. И сїе все, что можно объ немъ сказать. Впрочемъ сколь ни чувствителенъ намъ уронъ происходящїй отъ не совершеннаго свѣденїя о житїи

Аѳинагора

Аөинагора, по крайней мѣрѣ къ увеселенїю нашему награждаютъ оный драгоцѣнные трудовъ его остатки достигшїе до нашихъ временъ, а имянно сїе сообщаемое на Россїйскомъ языкѣ разсужденїе о воскресенїи мертвыхъ, и еще прошенїе за христїанъ къ помянутымъ Императорамъ. Сїи оба сочиненїя не токмо содержатъ основательные доводы для защищенїя истинны христїанства, но и свидѣтельствуютъ, что писатель сверхъ отмѣннаго дарованїя изощреннаго свободными науками, имѣлъ сердце наполненное благочестїемъ.

АѲИНАГОРА

АѲИНЕЙСКАГО ФИЛОСОФА И ХРИСТІАНИНА

РАЗСУЖДЕНІЕ

О Воскресеніи мертвыхъ.

ГЛАВА I.

Во всякомъ внѣшнемъ ученіи, постигающемъ истинну, раждается нѣкоторая ложь. Раждается же не отъ какихъ либо началъ и естественнаго стремленія вещей или ихъ причинъ, но отъ склонности уважающихъ не позволенныя плевелы для поврежденія истинны посѣянныя. Сіе можно видѣть въ сочиненіяхъ древнихъ мужей, кои трудяся

въ изысканіи оной были несогласны какъ съ предками, такъ и съ своими современниками; а особливо въ неосновательности ихъ мнѣній. Нѣтъ истинны, которую бы они оставили безъ порицанія. Божіе существо, разумъ, дѣйствіе, слѣдствія оныхъ, и слова изображающія намъ благочестіе были тому подвержены. Одни совсѣмъ отвергали сіи истинны, другіе толковали оныя по своему произволенію, а иные о явныхъ вещахъ сомнѣвались. Почему разсуждающему о такихъ предметахъ надлежитъ по моему мнѣнію раздѣлить слово на двѣ части: въ первой говорить за истинну, а во второй о истиннѣ; за истинну противъ не вѣрующихъ и сомнѣвающихся; о истиннѣ же въ пользу благомыслящихъ и съ благоволеніемъ пріемлющихъ оную. А потому изслѣдовать сіе желающему должно всегда смотря по нуждѣ употреблять слова, и порядокъ вещества примѣнять къ оной; притомъ соблюдая всегда по видимому тоже самое начало, не пренебрегать благопристойности и каждому приличнаго мѣста. Въ доказательствѣ и естественномъ слѣдствіи первое мѣсто занимаютъ слова о истиннѣ, а второе за истинну; въ разсужденіи же

пользы прежде должно говорить за истинну, а потомъ о истиннѣ. Земледѣлецъ не можетъ хорошо на землѣ сѣять сѣменъ, не истребивъ прежде леснаго вещества, причиняющаго вредъ нѣжнымъ сѣменамъ; врачь не можетъ пользовать немощное тѣло цѣлительнымъ лѣкарствомъ, не очистивъ прежде внѣдрившагося зла, и не удержавъ притекающаго гноя. Такъ равно хотящій учити истиннѣ, говоря объ оной, не можетъ увѣрить никого изъ слышателей, коихъ мысли заражены ложнымъ мнѣніемъ противнымъ истиннѣ. Чего ради и мы полагая въ предметѣ пользу, иногда прежде говоримъ за истинну, нежели о истиннѣ; что самое и теперь учинить не безполезно кажется, смотря по нуждѣ, а особливо въ разсужденіи о воскресеніи мертвыхъ. Ибо находимъ однихъ совсѣмъ не вѣрующихъ сему, другихъ сомнѣвающихся, иныхъ же хотя и принявшихъ первыя основанія сего положенія, но подобно сомнѣвающимся остающихся въ недоумѣніи. Всего непристойнѣе то, что сіи такому заблужденію подпали, не имѣя никакого повода къ невѣрію, и не въ состояніи будучи представить достовѣрной причины, для чего не вѣруютъ

или сомнѣваются. Сїе наше примѣчанїе не неосновательно тѣмъ паче, что всякое невѣрїе раждается не просто и не отъ безразсуднаго мнѣнїя, но отъ важной причины и вѣроятной извѣстности. Но справедливая причина невѣрїя бываетъ въ такомъ случаѣ, когда самая вещь, которой не вѣрятъ, кажется быть неимовѣрною. А не вѣрить вещамъ не подлежащимъ никакому сомнѣнїю свойственно людямъ не употребляющимъ здраваго разсужденїя въ изслѣдыванїи испинны. И такъ не вѣрующимъ воскресенїю, или сомнѣвающимся должно судить объ ономъ не по безразсудному своему мнѣнїю и угодному разпутнымъ людямъ; но въ изслѣдованїи сего предложенїя или ни какой причины не опредѣлять бытїю человѣковъ, что однакожъ опровергнуть весма не трудно, или вину всѣхъ существъ приписывать Богу, и отъ сюда доказывать, что воскресенїе не заслуживаетъ никакого вѣроятїя. Но въ семъ успѣютъ тогда, какъ въ состоянїи будутъ доказать, что Богъ или не можетъ, или не хощетъ мертвыя и совсѣмъ разрушившїяся тѣла паки соединить и совокупить для составленїя тѣхъ же самыхъ людей. Будеже не могутъ сего доказать,

то

то да отринутъ сїе злочестивое невѣрїе и богомерзскую хулу. А что они несправедливо утверждаютъ, будто въ Богѣ не достаетъ или возможности или хотѣнїя въ разсужденїи воскресенїя мертвыхъ, то видно будетъ въ слѣдующемъ.

ГЛАВА II.

Невозможность въ комъ либо усматривается изъ того, когда или не знаетъ, что дѣлать, или зная не имѣетъ довольной силы дѣлать хорошо. А кто не вѣдаетъ, что дѣлать должно, тотъ не можетъ ни предпрїять, ни совершить того, о чемъ никакого не имѣетъ понятїя. Вѣдающїй же, что дѣлать, какимъ образомъ и отъ чего привесть въ совершенство, но либо совсемъ неимѣющїй силъ, или имѣющїй не довольныя къ произведенїю знаемаго, буде благоразуменъ и возметъ въ разсужденїе свою способность, не приступитъ къ начинанїю; а хотя неосторожно и приступитъ, однако не достигнетъ намѣреваемаго конца. Что касается до Бога, то невозможно не знать ему свойства тѣлъ имѣющихъ воскреснуть въ разсужденїи всѣхъ частей и членовъ; такъ же не можетъ ему неизвѣстно быть и то, куда

помѣщается

помѣщается каждый изъ разрушающихся членовъ, какая часть стихій пріемлетъ членъ разрушившійся и помѣстившійся въ сродной вещи; хотя соединяемое паки съ цѣлостію природы людямъ кажется совсѣмъ непостижимымъ. Ибо ежели Богъ до созданія каждой вещи вѣдалъ естество будущихъ стихій, изъ которыхъ составлены тѣла человѣческія, такъ же части стихій, отъ которыхъ намѣренъ былъ взять то, что угодно было для составленія тѣла человѣческаго; то весма ясно, что и по разрушеніи всего ему не неизвѣстно будетъ, куда каждая часть помѣстилась, которую употребилъ для совершенства своего созданія. Колико намъ важно въ сравненіи нынѣшняго порядка вещей и разсужденія другихъ дѣлъ предузнавать не сущее; столько сродно и не трудно Богу, по его величеству и премудрости, предвѣдать не имѣющее бытія, и познавать разрушенное. Но силу божію могущую воскресить тѣла доказываетъ и самое ихъ созданіе. Ибо ежели онъ тѣла человѣческія и ихъ начала произвелъ изъ небытія, то и разрушенныя какимъ либо образомъ воскреситъ тѣмъ удобнѣе, что ему сіе равно возможно.

ГЛАВА III.

Отъ куда бы кто ни производилъ тѣла человѣческія, отъ вещества ли, или отъ стихій яко началъ, или же отъ сѣмени; но доводъ сей останется твердъ и непоколебимъ. Ибо который самъ по себѣ имѣетъ силу неустроенное вещество устроить, безобразное и неукрашенное украсить многими и различными видами, части стихій совокупить во едино, сѣмя единое и простое раздѣлить на многія, не имѣющее членовъ снабдить оными, и не одушевленному даровать жизнь; тотъ силенъ есть и разрушенное соединить, поверженное возстановить, мертвое паки оживотворить, и тлѣнное превратить въ нетлѣніе; тотъ своею силою и премудростію возможетъ разтерзанное множествомъ различныхъ звѣрей, обыкновенно нападающихъ на тѣла и тѣми питающихся, отъ нихъ отдѣлить, и паки присовокупить къ собственнымъ частямъ и членамъ; хотябы оно перешло во единаго звѣря или многія, а отъ нихъ въ другія, или хотябы съ ними самими исчезнувъ, возвратилось къ первымъ началамъ по естественному раздробленію въ оныя. Сіе по видимому привело въ великое

замѣшательство и самыхъ знаменитыхъ ученїемъ мужей, кои простонародныя сомнѣнїя, не знаю, какимъ образомъ почли сильными и важными.

ГЛАВА IV.

Они говорятъ, что многїя тѣла нещастно погибающихъ отъ кораблекрушенїя и утопающихъ въ водахъ бываютъ снѣдїю рыбамъ; многїя умирающихъ на бранях или по другому злому случаю и обстоятельству дѣлъ оставаясь не погребенными предлежатъ пищею всякимъ звѣрямъ. Слѣдовательно отдѣленїе такимъ образомъ истребляемыхъ тѣлъ, такъ же частей и членовъ оныя составляющихъ, кои разтерзаны будучи многими животными посредствомъ пищи соединяются съ тѣлами питающихся, по ихъ мнѣнїю есть невозможно. Сверхъ того предлагаютъ другое возраженїе, которое есть затруднительнѣе перваго, а имянно: когда животныя кормившїяся тѣлами человѣческими и сами пригодны будучи людямъ для пищи влагаются во чрево сихъ и соединяются съ тѣлами употребившихъ оныя; то части человѣческїя бывшїя пищею животнымъ непремѣнно должны переходить въ другїя тѣла

тѣла человѣческія. Ибо животныя питающіяся между тѣмъ мясомъ человѣческимъ принятую пищу сообщаютъ тѣмъ людямъ, коимъ послужили пищею. Къ сему присовокупляютъ дѣтоубивство произведенное отъ голода или въ безуміи, и дѣтей съѣденныхъ родителями посредствомъ козней непріятельскихъ, приводя въ примѣръ мидской столъ, Ѳїестово пиршество и другія злодѣянія у Грековъ или варваровъ страннымъ образомъ учиненныя. Изъ чего заключаютъ невозможность воскресенія по тому наипаче, что тѣмъ же самымъ членамъ не можно возстать купно съ другими тѣлами. Ибо или прежнія тѣла не могутъ составиться, когда члены ихъ перешли въ другія; или ежели онѣ возвратятся къ прежнимъ, то послѣдня будутъ несовершенны.

ГЛАВА V.

Но мнѣ кажется, что такіе люди мало понимаютъ могущество и премудрость Творца и Правителя всего міра, который посылая пищу сродную и приличную естеству и роду каждаго животнаго, не всякую вещь назначилъ къ соединенію и растворенію каждаго тѣла; который

который ни мало не имѣя затрудненія въ раздѣленіи соединенныхъ частей попускаетъ каждой вещи по ея природѣ дѣлать и страдать, а иногда воспрещаетъ, и все, что хощетъ, и куда хощетъ, преселяетъ и преноситъ. Сверхъ того они по видимому мало такъ же вникли въ силу и природу каждой вещи питающей и питаемой. Иначе они бы знали, что не все употребляемое по необходимости животному бываетъ сродною пищею. Но иное, какъ скоро вмѣстится въ желудокъ, тотчасъ истребляется либо рвотою, или испражненіемъ, или другимъ какимъ либо образомъ, такъ что ни мало не выдерживаетъ перваго и естественнаго варенія или смѣшенія съ питаемыми вещами. Такъ же не все сварившееся и воспріявшее первую перемѣну конечно соединяется съ питаемыми частями. Ибо иное въ самомъ чревѣ питательною силою извергается, а иное послѣ второй перемѣны и бываемаго въ печени варенія, отдѣляяся перемѣщается къ другому, что превзошло питательную силу. Да и по воспослѣдованіи перемѣны въ печени, не все превращается въ пищу, но иное отдѣляется въ естественныя излишности, и оставшаяся въ частяхъ питаемыхъ пища

иногда

иногда перемѣняется въ другое чтонибудь силою того, что избыточествуетъ, и что обыкновенно либо истребляетъ ближайшее, или превращаетъ въ свою природу. И такъ когда во всѣхъ животныхъ находится многое различїе, и самая пища свойственная каждому роду животныхъ перемѣняется съ питаемымъ тѣломъ, притомъ бываетъ троякое очищенїе и отдѣленїе пищи; то все несвойственное питанїю животныхъ, яко не могущее растворится, непремѣнно истлѣваетъ и переходитъ къ своему началу или въ другое чтонибудь превращается; а сила питающаго тѣла свойственная природѣ питаемаго животнаго прошедъ чрезъ всѣ естественныя очистилища и совершенно очистившись оными дѣлается самою безпримѣсною для соединенїя съ тѣломъ, которую одну, истинное употребивъ выраженїе, можно назвать пищею тѣмъ паче, что она извергаетъ все постороннее и вредное сложенїю питаемаго животнаго, освобождая отъ великаго бремени желудокъ отягчившїйся онымъ для наполненїя себя и утоленїя позыва. Но что сїя самая чистѣйшая пища соединяясь съ тѣломъ, растворяется и сливается со всѣми членами и составами,

а противная

а противная оной и не естественая смѣшавшись съ крѣпчайшими силами тѣла тотчасъ погибаетъ и удобно погубляя преодолѣнныя ею силы тѣлесныя превращается въ худые соки и ядовитыя качества, яко не доставляющая ничего свойственнаго и полезнаго питаемому тѣлу; въ томъ никто сомнѣваться не можетъ. Величайшимъ сего доказательсmвомъ служитъ приключающаяся многимъ животнымъ болѣзнь, или опасность, или и самая смерть, когда отъ сильнаго позыва употребляютъ чтонибудь ядовитое, или неестественное. Сїе конечно пагубно тѣлу. Ибо питаемое питается свойственными и естественными вещами, а отъ противныхъ повреждается. И такъ ежели по разности животныхъ природою различествующихъ, различается купно естественная ихъ пища, и изъ сей самой не все употребляемое животнымъ и не всякая часть онаго прїемлетъ разтворенїе въ питаемомъ тѣлѣ, но то только одно, что посредствомъ всего варенїя очистилось, и что отъ послѣдовавшей перемѣны здѣлалось безпримѣсно для соединенїя съ тѣломъ, и прилично питаемымъ членамъ; то явно, что не естественная пища не соединяется съ тѣми

животными

животными, которымъ она несродна и неприлична, но либо сырая и испортившаяся извергается изъ чрева, прежде нежели превратится въ другой какойнибудь сокъ, или оставаясь долгое время въ членахъ производитъ боль, или немощь неизцѣльную, которая повреждаетъ естественную пищу, или и самую плоть требующую оной. А хотя выгоняется какими либо лѣкарствами, преодолѣна будучи либо воздержною жизнїю или естественными силами; однако выходитъ не безъ великаго труда, много разстроивая естественныя части своею неспособностїю къ соединенїю.

ГЛАВА VI.

Положимъ вообще, что входящая такая пища: (да назовемъ такъ, слѣдуя обыкновенїю, хотя она и неестественна:) растворяется и перемѣняется во чтонибудь влажное или сухое, или теплое, или холодное; однако и сїе противоположникамъ въ пользу не послужитъ, когда воскресающїя тѣла составляются паки изъ собственныхъ ихъ членовъ, а изъ преждерѣченныхъ вещей ни одна не составляетъ члена, ниже показываетъ вида члена, такъ же не пре-

не пребываетъ всегда съ питаемыми частями, и не востаетъ съ воскресающими; ниже пособствуетъ продолженію жизни; хотя бы то была кровь, или мокрота, или желчь, или духъ. Ибо въ чемъ нужду имѣли нѣкогда питающіяся тѣла, того не востребуютъ тогда, когда купно съ гладомъ и тлѣніемъ упразднится потреба всего того, чемъ прежде питались. Да и хотя бы кто утверждалъ, что перемѣна такой пищи пособствуетъ составленію самой плоти; однако и изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ плоть вновь отъ пищи составившаяся и присоединившаяся къ тѣлу другаго, паки яко часть совершала исполненіе онаго. Ибо плоть принявшии плоть отъ другаго тѣла не всегда сохраняетъ принятую, ниже соединившись пребываетъ тамъ, гдѣ приложилась, но подвергается многоразличной перемѣнѣ, такъ что иногда исчезаетъ отъ скорбей и попеченій, а иногда истлѣваетъ отъ печалей или трудовъ, или болѣзней, и соки отъ неумѣренности жара и стужи не превращаются въ мясо и жиръ, а потому и тѣла пріемлющія сію пищу остаются таковы, каковы суть. Когда же такое происходитъ въ качествахъ всякой плоти, то кольми паче можно найти сіе

въ плоти

въ плоти питающейся не собственною пищею. Ибо она то толстѣетъ и становится тучною отъ принятой пищи, то паки лишается сего какимъ нибудь образомъ, и уменьшается или отъ одной изъ вышереченныхъ причинъ, или отъ многихъ, такъ что остается та одна плоть, которая имѣетъ силу связывать, сгущать и согрѣвать части, то есть которая природою избрана и сродна той пищѣ, посредствомъ коей наполняетъ жизнь по естеству и подъемлетъ труды житейскіе.

ГЛАВА VII.

Хотя бы мы отвергнули, какъ и должно, то, о чемъ выше говорили, или хотя бы по снисхожденію приняли, однако не можно сказать, чтобъ ихъ противоположеніе было справедливо. Тѣла человѣческія никогда не могутъ смѣшиваться съ тѣлами одинакой породы, не смотря на то, что кто бы по невѣдѣнію и обманутъ будучи хитростію другаго употреблялъ такія тѣла, или бы самовольно съ голода и въ безуміи осквернялъ себя тѣлами одинакой породы, когда намъ извѣстно, что находятся звѣри человѣкообразные, или имѣющіе смѣшенную природу

природу изъ людей и звѣрей, какъ обыкновенно баснословятъ безстыдные стихотворцы. Но что скажу о тѣлахъ, кои ни одному животному не послужили пищею, а ради чести ихъ природы получили только погребенїе и преданы землѣ? Творецъ ни одного животнаго не опредѣлилъ для пищи животнымъ одинакой породы, но онѣ питаются животными различной породы, такъ какъ естественною пищею. Ежели могутъ доказать, что мясо человѣческое по учрежденїю естества назначено людямъ въ снѣдь; то взаимное ядение безъ сомнѣнїя будетъ позволено и естественно, какъ обыкновенно бываетъ въ вещахъ природою позволенныхъ; слѣдовательно и дерзающїе утверждать сїе, могутъ услаждаться тѣлами своихъ любезнѣйшихъ, яко свойственною пищею, и сами служить такъ же пищею своимъ благодѣтелямъ. Но ежели сїе говорить злочестиво, и людямъ употреблять человѣческое мясо есть крайнее и мерзское беззаконїе и гнуснѣйшее паче всякой непозволенной пищи и злодѣянїя; ежели справедливо, что члены и части требующїя пищи не прїемлютъ не естественной, а неслужащему пищею невмѣстно соединяться съ тѣлами: то

не можетъ статься, чтобъ человѣческія тѣла когданибудь смѣшивались съ подобными тѣлами, коимъ предлагаются въ пищу сверхъ естества, хотя часто входятъ въ ихъ чрева по случаю какого нибудь горестнаго бѣдствія. Но удалясь отъ питательной силы, и разсѣявшись паки въ свои первыя начала, соединяются съ оными на долгое или короткое время, сколько каждому случится; потомъ опять отдѣлены будучи премудростію и могуществомъ составившаго природу каждаго животнаго съ собственными своими силами, соединяются естественно съ каждымъ своимъ, огнемъ ли сожжены были, или водою поглощены, или звѣрями и другими животными на нихъ напавшими съѣдены, или разсѣчены будучи сгнили; а соединившись паки между собою, получаютъ единое мѣсто для согласія и составленія тогоже тѣла и для воскресенія и жизни умершаго и совсѣмъ разрушившагося.

ГЛАВА VIII.

Сіе далѣе распространять излишно тѣмъ паче, что оное безспорно признаютъ тѣ, кои не имѣютъ ничего звѣрскаго въ своей природѣ. Но когда

много находится полезнаго для изслѣдованія настоящаго предмета, то я теперь не желаю вступать въ пренїе съ тѣми, кои прибѣгаютъ къ человѣческимъ дѣламъ и сихъ художникамъ людямъ не могущимъ возобновить дѣлъ сокрушенныхъ или отъ времени обветшавшихъ, или другимъ какимъ либо образомъ испортившихся; и взявъ подобїе отъ скуделниковъ и древодѣлателей стараются доказывать, что Богъ или нехощетъ, или ежели хощетъ, не можетъ воскресить тѣло умершее или разрушившееся, не размышляя сами въ себѣ, что употребляютъ самую мерзкую хулу на Бога, сравнивая силы весма далеко отстоящихъ, или лучше сказать, сущности, кои употребляютъ такїя силы, и художественное примѣняя къ естественному. Съ таковыми людьми имѣть дѣло предосудительно. Ибо воистинну глупо есть возражать противъ лехкомысленныхъ и суетныхъ; а гораздо славнѣе и паче всего справедливѣе сказать: что отъ человѣкъ не возможно, то отъ Бога возможно. Но ежели сїе самое яко вѣроятное, или все выше изслѣдованное доказываетъ, что то возможно, то явно, что не невозможно.

ГЛАВА

ГЛАВА IX.

Но и непротивно волѣ Бога. Ибо чего онъ не хощетъ, не хощетъ для того, что оно или неправосудно, или недостойно. И паки сїе неправосудїе находится или въ самомъ имѣющемъ воскреснуть, или въ другомъ кромѣ его. Но явно, что никому изъ внѣшнихъ и въ природѣ вещей обрѣтающихся отъ воскресенїя мертвыхъ не бываетъ обиды; умныя ли твари, или неразумныя и неодушевленныя возмемъ въ разсужденїе. Первымъ оно не токмо не препятствуетъ въ существованїи, но и не причиняетъ никакого поруганїя и вреда; а вторые не будутъ существовать по воскресенїи, не существующее же не можетъ имѣть обиды. А хотя и положить, что онѣ будутъ существовать, однако и въ семъ случаѣ не почувствуютъ обиды при возобновленїи тѣлъ человѣческихъ. Ибо ежели теперь повинуясь природѣ человѣковъ, и для потребы ихъ нужду въ оныхъ имѣющихъ подвергаясь ярму и всякому рабству не претерпѣваютъ никакой обиды: то кольми паче не возчувствуютъ оной, когда люди здѣлаются нетлѣнными, нескудными и не имѣющими въ нихъ нужды;

а онѣ

а онѣ освободятся отъ всякаго рабства. Да и хотябы онѣ снаблены были способностію говорить, однако не обвиняли бы создателя въ неcправедливости, что поставилъ ихъ ниже жребія человѣковъ, не здѣлавъ участниками въ равномъ съ ними воскресеніи. Ибо которыхъ природа не одинакая, тѣмъ правосудный опредѣляетъ и не одинакій конецъ; сверхъ сего въ скотахъ и неодушевленныхъ тваряхъ нѣтъ никакого чувствія правосудія, слѣдовательно нѣтъ и жалобы на неправосудіе. Не можно и того сказать, чтобъ въ самомъ человѣкѣ усматривалась какая обида отъ воскресенія. Какъ онъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ не пріемлетъ оскорбленія ни по душѣ, ни по тѣлу. Мудрый нескажетъ, чтобъ душа претерпѣвала оскорбленіе отъ того, что будетъ имѣть образъ жизни не одинакій съ настоящимъ. Ежели нынѣ обитая въ тѣлѣ тлѣнномъ и страстномъ ни мало не бываетъ оскорбляема, то кольми паче живущая въ нетлѣнномъ и безстрастномъ не подвергнется обидѣ. Да и тѣло не почувствуетъ обиды. Ибо ежели теперь тлѣнное сожительствуя съ нетлѣнною душею не получаетъ обиды, то тѣмъ менѣе

менѣе чувствовать оную будетъ, когда само здѣлается нетлѣннымъ. Еще неможно сказать того, чтобъ разрушившееся тѣло совокупить и воскресить было дѣло недостойное Бога. Ибо ежели худшее, то есть смертное и страстное тѣло создать показалось Богу ненедостойнымъ, то кольми паче будетъ ненедостойно воздвигнуть лучшее, то есть безсмертное и безстрастное. И такъ изъ доказательствъ въ изслѣдываемомъ предложенiи приведенныхъ отъ первыхъ въ естествѣ и слѣдующихъ за ними существъ явствуетъ, что возстановленiе разрушившихся тѣлъ есть такое дѣло, которое достойно Бога, и которое онъ произвесть и хощетъ и можетъ; и слѣдовательно возраженiе противниковъ и не вѣрующихъ сему есть ложно и безмѣстно. Нѣтъ нужды упоминать о возвращенiи каждаго изъ нихъ къ каждому, и взаимномъ между собою соединенiи, ежели можно назвать соединенiемъ, какъ будтобы они разностiю какою отдѣлены были; а лучше должно сказать: что есть возможно, то непротивно волѣ Бога, и что непротивно волѣ Бога, то возможно и достойно хотящаго.

ГЛАВА

ГЛАВА X.

Впрочемъ хотя выше нѣсколько показано, что разсужденїе бываетъ двоякаго рода: одно о истиннѣ, а другое за истинну, также какимъ образомъ между собою различествуютъ, когда и у кого имѣютъ пользу; однако для общаго удостовѣренїя и для соединенїя преждереченныхъ съ послѣдующими можно отъ сихъ же разсужденїй и принадлежащаго къ нимъ начать слово. Первому приличествуетъ по естеству занимать первое мѣсто, а сему спутешествуя съ главнымъ пролагать путь и предупреждать всякїя препятствїя и неудобства. Ибо разсужденїе о истиннѣ, нужно будучи всѣмъ человѣкамъ для удостовѣренїя и спасенїя, есть главное по естеству, порядку и пользѣ: по естеству, яко споспѣшествующее познанїю вещей; по порядку, яко находящееся купно съ тѣми, о коихъ даемъ понятїе; по пользѣ, яко познающимъ доставляющее благонадежность и спасенїе. А разсужденїе за истинну есть ниже естествомъ и силою; ибо легчѣ изобличать ложъ, нежели утверждать истинну. Да и по порядку есть второе, когда употребляетъ свою силу противъ

ложно

ложно думающихъ, а ложное мнѣнїе раждается отъ втораго, какъ бы сказать, посѣва и поврежденїя. Но при всемъ томъ оно нерѣдко предполагается и бываетъ полезнѣе тѣмъ паче, что истребляетъ и предочищаетъ или обезпокоивающее другихъ невѣрїе, или вредное соглашающимся съ нами сомнѣнїе и ложное мнѣнїе. Впрочемъ хотя оба разсужденїя какъ обличающее ложъ, такъ и утверждающее истинну стремятся къ единому концу, то есть къ благочестїю; однако отнюдъ не составляютъ единаго. Но сїе, какъ я сказалъ, есть нужно всѣмъ вѣрующимъ и пекущимся о истиннѣ и собственномъ спасенїи; а оное бываетъ полезнѣе временемъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и у нѣкоторыхъ людей. Сїе вкратцѣ сказано, чтобъ сохранить въ памяти вышереченное; а теперь надлежитъ возвратиться къ предложенїю и показать, что ученїе о воскресенїи естественно, и основывается вопервыхъ на той самой причинѣ, по которой и ради которой первый человѣкъ и его потомки на свѣтъ произошли, хотя не одинакимъ образомъ; во вторыхъ на общемъ естествѣ всѣхъ человѣковъ, яко человѣковъ; на конецъ на судѣ создателя,

которой надъ ними произведенъ будетъ, смотря по тому, сколько времени каждый жилъ и какъ жительствовалъ. А что сей судъ имѣетъ быть праведенъ, въ томъ никто сомнѣваться не можетъ.

ГЛАВА XI.

Въ разсужденїи причины нужно изслѣдовать, просто ли и всуе сотворенъ человѣкъ, или ради чего нибудь. Ежели ради чего нибудь, то для того ли сотворенъ, чтобъ жить и пребывать въ томъ естественномъ состоянїи, въ которомъ произведенъ, или ради какой либо пользы. Ежели ради какой либо пользы, то ради пользы ли создателя, или для пользы другаго коголибо изъ принадлежащихъ къ нему и требующихъ большаго попеченїя. Сїе вообще разсматривая находимъ, что всякое существо благомудрое и здравымъ разсужденїемъ побуждаемое къ дѣланїю, все то, что ни предпрїемлетъ съ намѣренїемъ, дѣлаетъ не безразсудно, но либо для самаго себя, или ради пользы другаго, о комъ имѣетъ попеченїе, или движимо будучи естественною какою либо склонностїю и любовїю къ своему произведенїю. Какъ на примѣръ (для

ясности предложенія употребимъ здѣсь подобіе) человѣкъ строитъ домъ для собственной пользы; но строя хлѣвы воламъ, верблюдамъ и другимъ животнымъ дѣлаетъ по видимому не для своего употребленія, хотя послѣдній конецъ до него относится, но непосредственно ради тѣхъ, о коихъ имѣетъ попеченіе. Раждаетъ дѣтей не для собственной пользы и не для другаго коголибо изъ его родственниковъ, но ради существованія и пребыванія, сколько можно, раждаемыхъ отъ него, замѣняя свою смерть преемничествомъ дѣтей и внучатъ, и такимъ образомъ думая смертное предать безсмертію. Сіе такъ произходитъ между людьми. Но Богъ не всуе создалъ человѣка, ибо онъ есть премудръ, а премудраго ни одно дѣло не суетно; ни для собственнаго употребленія, ибо онъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды, а кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды, тому все произведенное имъ не служитъ во употребленіе; но ниже ради своихъ дѣлъ, ибо всѣ твари снабденныя умомъ и разсужденіемъ, великія или малыя произведены или производятся не для потребы другаго, но для собственной своей жизни и пребыванія.

Да и

Да и разумъ не находитъ употребленія причины, для чего люди раждаются, когда безсмертные поставлены будучи внѣ всякой скудости, не требуютъ никакой помощи отъ людей для своего существованія; а безсловесныя животныя всѣ по естеству покорены и исполняютъ потребности человѣческія, для которыхъ каждое рождено, а сами не пользуются людьми. Ибо правосудіе не позволяло, ниже позволяетъ повелѣвающую и обладающую тварь подвергать употребленію меньшихъ, или словесную покорять безсловеснымъ неспособнымъ ко владычествованію. И такъ ежели не безъ причины и не всуе сотворенъ человѣкъ, а особливо когда нѣтъ ничего напраснаго между дѣлами Божіими по волѣ творца, ни для пользы создателя или котораго нибудь изъ его твореній; то довольно извѣстно, что по первой и общей причинѣ сотворилъ Богъ человѣка для самаго себя и ради своей благости и премудрости усматриваемой во всѣхъ созданныхъ вещахъ; а по ближайшей и свойственной самимъ произведеннымъ людямъ причинѣ, ради жизни человѣковъ, но не такой, которая бы на малое время возжена была,

а потомъ

а потомъ совсѣмъ погасла. Мнѣ кажется, что такую жизнь опредѣлилъ Богъ гадамъ, птицамъ, рыбамъ, и словомъ сказать, всѣмъ безсловеснымъ тварямъ; а тѣмъ, кои созданы по образу его, одарены умомъ и разсужденїемъ, назначилъ творецъ вѣчное пребыванїе, чтобы онѣ познавая своего создателя, и сообразуясь нравами своими и поведенїемъ могуществу и премудрости его наслаждались блаженною вѣчностїю съ тѣми своими частями, коими утвердили будущую жизнь, находясь еще въ тлѣнныхъ и бренныхъ тѣлахъ. Ибо твари произведенныя для другаго, по измѣненїи тѣхъ, для которыхъ произведены, вѣроятно престанутъ бытїе имѣть и не будутъ пребывать всуе; потому что въ вещахъ отъ Бога созданныхъ нѣтъ мѣста для сутной праздности: а созданныя для бытїя и жизни отъ естества опредѣленной, поелику сїя ихъ причина согласна съ ихъ природою и состоитъ только въ одномъ бытїи, никогда не могутъ допускать въ себѣ причины совсѣмъ истребляющей ихъ бытїе; да и когда оная ихъ причина состоитъ во всегдашнемъ существованїи, то непремѣнно должно такому животному

пребывать

пребывать въ непоколебимой цѣлости, дѣйствовать и страдать, что сходно съ его природою, а обѣимъ частямъ, изъ которыхъ составлено, пособствовать собственнымъ своимъ, такъ что бы душа имѣла бытїе и сохраняя равномѣрно свою природу, съ какою произведена, исполняла то, что свойственно ея природѣ, и имянно обладала страстями тѣлесными, во всемъ встрѣчающемся употребляла надлежащее разсужденїе и размѣряла оное прилично, а тѣло двигалось къ тому, что естественно, и принимало назначенныя ему отъ природы перемѣны, и послѣ измѣненїй происходящихъ отъ возраста, образа и величины, воскресенїе, которое равно какъ и перемѣна въ лучшее состоянїе, имѣющая тогда послѣдовать въ тѣлахъ оставшихся въ живыхъ людей, есть нѣкоторый образъ измѣненїя, а притомъ послѣднїй. Въ семъ увѣрены будучи не менѣе, какъ и въ случившемся, и разсуждая о своей природѣ нетокмо любимъ жизнь нужную и тлѣнную яко приличествующую настоящему вѣку, но и твердо уповаемъ пребыванїя съ нетлѣнїемъ соединеннаго, которое не отъ человѣческихъ вымысловъ себѣ

воображаемъ

воображаемъ, питаяся ложными надеждами, но вѣримъ въ томъ нелестному и достовѣрному свидѣтелю, то есть волѣ нашего создателя, по которой сотворилъ человѣка изъ безсмертной души и тѣла, снабдивъ его разумомъ и естественнымъ закономъ для сохраненія дарованныхъ ему преимуществъ приличествующихъ благомудрому и разумному жительству; притомъ зная, что онъ сіе животное не устроилъ бы такимъ образомъ и не украсилъ бы всѣми способностями къ вѣчному пребыванію, ежели бы не хотѣлъ, чтобъ такимъ образомъ созданное пребывало вѣчно. И такъ когда творецъ всего міра создалъ человѣка съ тѣмъ, чтобъ онъ препровождалъ благомудрую жизнь, и здѣлавшись зрителемъ его великолѣпія и премудрости во всемъ блистающей, всегда пребывалъ купно созерцая оныя по волѣ его и по врожденному естеству; то причина сотворенія утверждаетъ вѣчное пребываніе, пребываніе же воскресеніе, безъ котораго человѣкъ пребывать не можетъ.

ГЛАВА XII.

Изъ преждереченнаго довольно видно,

что причина бытїя и воля создателя несомнѣнно доказываетъ воскресенїе. Послѣ такой причины, по которой человѣкъ произведенъ на свѣтъ, надлежитъ разсмотрѣть то, что слѣдуетъ за нею по естественному порядку. Слѣдуетъ же за причиною бытїя при семъ изысканїи истинны природа созданныхъ людей, за природою созданныхъ людей праведный создателя судъ надъ ними, а за всемъ симъ конецъ жизни. Но изъяснивъ вышепомянутое, должно изъяснить природу человѣческую либо посредствомъ истинныхъ и несомнѣнныхъ предложенїй, или посредствомъ употребляемыхъ въ такомъ изысканїи. Доказательство доставляющее неложную достовѣрность словамъ есть то, которое не извнѣ откуда нибудь, или отъ мнѣнїй и положенїй чьихъ либо прїемлетъ свое начало, но которое происходитъ отъ общихъ и естественныхъ понятїй, и изъ послѣдствїя вторыхъ положенїй къ первымъ. Оно содержитъ или первыя правила, и въ такомъ случаѣ нужно одно напоминанїе возбуждающее естественныя понятїя; или необходимо соединенныя съ первыми и имѣющїя естественное слѣдствїе, и тогда потребенъ

порядокъ

порядокъ обьясняющему, что въ самой вещи слѣдуетъ за первыми или вышшими, дабы не пренебречь истинны, или извѣстности въ разсужденіи ея, и дабы не слить естественно разположеннаго и отдѣленнаго, или не нарушить естественнаго порядка. Почему мнѣ кажется, что углубившимся въ предлежащее вещество и хотящимъ благомудро разсуждать, будетъ ли воскресеніе человѣческихъ тѣлъ или нѣтъ, приличествуетъ вопервыхъ точно разсмотрѣть силу положеній составляющихъ доказательство сего, и какое каждому принадлежитъ мѣсто, также которое изъ нихъ есть первое, или второе, или третіе, и которое послѣднее. Разпоряжая сіе, должно вопервыхъ поставить причину бытія человѣковъ, то есть намѣреніе создателя, съ какимъ произвелъ человѣка, потомъ къ ней по приличію присовокупить природу людей, не яко вторую по порядку, но что не можно вдругъ о обѣихъ разсуждать, хотя обѣ вмѣстѣ находятся и равную составляютъ силу въ настоящемъ предметѣ. Сими яко главными и отъ творенія Божія произходящими, также касающимися до провидѣнія, то есть

наградами и наказанїями имѣющими послѣдовать по праведномъ судѣ, и напослѣдокъ концемъ человѣческой жизни ясно доказавъ воскресенїе, можно получить увѣренїе объ ономъ. Многїе разсуждая о воскресенїи основывали оное на одномъ третїемъ доказательствѣ, почитая причиною воскресенїя человѣковъ осужденїе по суду; но несправедливость сего явно доказывается тѣмъ, что хотя всѣ воскреснутъ, но не всѣ воскреснувшїе осуждены будутъ. Ежелибы только праведный судъ составлялъ причину воскресенїя, то бы не согрѣшившимъ, то есть младенцамъ, или честно жительствовавшимъ не надлежало воскреснуть. Но всѣ воскреснутъ, даже и во младенчествѣ скончавшїеся, кои довольно доказываютъ, что воскресенїе будетъ не для осужденїя по главной онаго причинѣ, но ради намѣренїя творца и природы тварей.

ГЛАВА XIII.

Впрочемъ хотя и единая причина бытїя человѣковъ, взятая въ разсужденїе, довольна доказать воскресенїе необходимо слѣдующее за разрушенїемъ тѣлъ; однако ненесправедливо будетъ представить

все

все то, что мы предположили, и послѣ сказаннаго изьяснить силу происходящихъ изъ каждаго доказательствъ, и прежде всего разсмотрѣть природу созданныхъ человѣковъ, которая ведетъ къ тому же самому понятїю и доставляетъ равную вѣру въ разсужденїи воскресенїя. Ежели все вообще человѣческое естество состоитъ изъ души безсмертной и тѣла устроеннаго соразмѣрно бытїю оной, и Богъ даровалъ такое бытїе или жизнь не одной душѣ и не одному тѣлу въ особенности, но цѣлому человѣку изъ сихъ двухъ частей составленному, что бы онъ тѣже самыя части, посредствомъ которыхъ получаетъ бытїе и жизнь, употребляя въ житїи, достигалъ единаго какоголибо и общаго конца; то непремѣнно нужно такому единому животному составленному изъ сихъ двухъ частей, и страждущему, что страждетъ душа и тѣло, такъ же дѣйствующему и производящему все потребности чувствъ и умнаго разсужденїя, относить всю оныхъ связь къ единому концу, чтобы человѣческое бытїе, природа, жизнь, дѣянїе и страданїе, поведенїе, конецъ приличной естеству,

 что

что бы все сїе, говорю, и во всемъ содѣйствовало единому и тому же согласїю. Но когда каждое такое животное имѣетъ единое согласїе въ свойствахъ произходящихъ какъ отъ души, такъ и тѣла, то во всѣхъ сихъ должно быть и единому концу. А единый конецъ въ самомъ дѣлѣ послѣдуетъ, когда тоже самое животное, котораго конецъ есть то, что имѣетъ свойство конца, составится по своему существу; составится же чисто тоже самое животное, когда опять получитъ тѣже всѣ части, кои совершали его цѣлость; получитъ же, по собственному соединенїю, тѣже части, когда онѣ раздѣлившись паки совокупятся къ составленїю животнаго; а составленїе тѣхъ же людей доказываетъ, что непремѣнно слѣдуетъ быть воскресенїю тѣлъ мертвыхъ и разрушившихся. Иначе же ни соединиться естественно тѣмъ же частямъ между собою, ни природѣ тѣхъ же людей составиться не можно. Сверхъ того когда людямъ дарованъ умъ и разумъ для разсужденїя понимаемыхъ предметовъ, то есть не токмо существъ, но и благости, премудрости и правосудїя того, который даровалъ;

то

то, ежели пребывать будутъ предметы, ради которыхъ дано умное разсужденїе, непремѣнно должно пребывать и разсужденїю данному ради сихъ. Но оно пребывать не можетъ безъ пребыванїя того естества, въ которомъ оно вмѣщается; вмѣщаяй же въ себѣ умъ и разумъ есть человѣкъ, а не душа въ особенности, слѣдовательно должно вѣчно пребывать человѣку состоящему изъ обѣихъ частей, а сему не можно пребывать не воскреснувъ. Ибо ежели не будетъ воскресенїя, то не можетъ пребывать естество человѣковъ. Но ежели естество человѣковъ пребывать не будетъ, то всуе душа прилѣплена къ потребностямъ и страстямъ тѣла, всуе обложено веригами тѣло, которое управляемо будучи душею и повинуясь обузданїю ея не получаетъ желаемаго, всуе умъ, всуе благоразумїе, всуе соблюденїе правосудїя, исполненїе всякой добродѣтели, законоположенїе, и, словомъ сказать, всякая честность бываемая въ людяхъ и посредствомъ ихъ, а паче самое бытїе и природа людей. Но ежели всѣмъ дѣламъ Бога и низпосылаемымъ отъ него дарамъ не совмѣстна суетность, то непремѣнно

должно

должно съ безсмертїемъ души быть купно вѣчному продолженїю тѣла по собственному естеству.

ГЛАВА XIV.

Да нестранно комулибо покажется, что жизнь пресѣкаемую смертїю и тлѣнїемъ именуемъ пребыванїемъ, разсуждая, что не одно есть означенїе сего названїя и не одна мѣра пребыванїя. Ибо ежели каждое изъ пребывающихъ существъ по собственной природѣ имѣетъ пребыванїе, то въ числѣ нетлѣнныхъ и безсмертныхъ найти не можно равнаго пребыванїя, потому что вышшїя существа не равняются съ нижшими, такъ же и въ людяхъ не можно сыскать одинакаго онаго перемѣнѣ не подверженнаго пребыванїя. Оныя съ начала сотворены безсмертными, и по единой волѣ Создателя некончаемо пребываютъ; а люди по душѣ, со времени самаго бытїя, имѣютъ пребыванїе перемѣнѣ неподверженное, но по тѣлу отъ перемѣны прїемлютъ нетлѣнїе, что самое значитъ слово воскресенїя, которое представляя въ своихъ мысляхъ ожидаемъ разрушенїя тѣла, яко слѣдующаго за сею скудною и тлѣнною жизнїю, а потомъ чаемъ

пребыванїя

пребыванія съ нетлѣніемъ соединеннаго. Мы своей кончины не уподобляемъ кончинѣ безсловесныхъ животныхъ, ниже человѣческаго пребыванія пребыванію безсмертныхъ, дабы по неосторожности не присвоить человѣческой природы и жизни тѣмъ, коимъ не приличествуетъ. И такъ не надлежитъ сѣтовать, когда усматривается нѣкоторое неравенство въ пребываніи человѣковъ, ниже отчаяваться воскресенія, когда разлученіе души отъ членовъ тѣла и разрушеніе частей онаго пресѣкаетъ безпрерывную жизнь. Мы не отрицаемся почитать жизнію ту чувственную жизнь, которую по видимому прерываютъ разслабленія чувствъ и природныхъ силъ, естественно во время сна приключающіяся людямъ на равномѣрное разстояніе времени засыпающимъ, и опять нѣкоторымъ образомъ оживающимъ. Въ разсужденіи чего нѣкоторые по моему мнѣнію сонъ называютъ братомъ смерти, не въ намѣреніи доказывать ихъ произхожденіе отъ однихъ предковъ и родителей, но что подобное случается съ спящими и умершими, въ разсужденіи покоя и недѣйствія чувствъ, когда ни мало не понимаютъ настоящихъ, или

въ то

въ то время произходящихъ вещей, а паче не чувствуютъ своего бытія и жизни. И такъ ежели жизнь человѣческую наполненную толикимъ неравенствомъ отъ самаго рожденія до разрушенія, и пресѣкаемую всемъ вышереченнымъ не отрицаемся называть жизнію; то и по разрушеніи опредѣленную жизнь доставляющую намъ воскресеніе отвергать не должны, хотя нѣсколько пресѣкается разлученіемъ души отъ тѣла. Ибо самая природа человѣческая, свыше и по намѣренію Творца получившая неравенство, имѣетъ неравную жизнь и пребываніе пресѣкаемое то сномъ, то смертію и перемѣнами каждаго возраста, такъ что приключенія слѣдующихъ лѣтъ не видны бываютъ въ первыхъ.

ГЛАВА XV.

Но кто бы не научившись изъ опыта повѣрилъ, что въ подобочастномъ и мягкомъ сѣмени положены толь многія и толь великія силы, или въ немъ сокрыто толь великое различіе произходящихъ изъ того и совокупляемыхъ тяжестей, костей, говорю, жилъ, хрящей, мышцей, плоти, утробы и прочихъ частей тѣла? Ибо во влажныхъ еще

еще сѣменахъ не можно ничего такого видѣть; въ младенцахъ не усматривается того, что получаютъ юноши, въ юношествѣ не открывается того, что имѣетъ мужескїй возрастъ, а въ мужескомъ возрастѣ того, чего достигаютъ въ старости. Но хотя вышереченное частїю совсѣмъ не показываетъ, а частїю темно показываетъ естественное послѣдованїе и случающїяся въ людяхъ перемѣны; однако тѣмъ, кои въ разсужденїи сего не ослѣплены злобою или нерадѣнїемъ, извѣстно, что во первыхъ сѣются сѣмена, потомъ, когда изобразятся ихъ члены и составы, и плодъ родится на свѣтъ, въ младенчествѣ бываетъ умноженїе, по умноженїи совершенство, по совершенствѣ умаленїе естественныхъ силъ до самой смерти, и наконецъ по изнеможенїи тѣла слѣдуетъ разрушенїе. Слѣдовательно какъ въ семъ случаѣ не содержится ни въ сѣмени начертаннаго человѣческаго образа или жизни, ни въ жизни разрушенїя состава въ первыя стихїи, но порядокъ и теченїе естественныхъ приключенїй увѣряетъ въ томъ, что кажется невѣроятно по своей наружности; такъ гораздо болѣе разумъ посредствомъ
естественнаго

естественнаго последованія испытывая истинну, утверждаетъ воскресеніе, будучи достовѣрнѣе опыта къ доказательству истинны выше предложенныхъ нами словъ, и утверждающихъ воскресеніе тѣмъ, что мы всѣ единородны, яко произшедшіе отъ единаго начала, начало же наше происходитъ отъ первыхъ человѣковъ, коихъ Богъ сотворилъ.

ГЛАВА XVI.

Но одни на самомъ началѣ, отъ котораго произошли, основываютъ свою вѣру, другіе вникая въ природу и жизнь человѣческую увѣряются на провидѣніи, которое Богъ объ насъ имѣетъ. Ибо причина, по которой и ради которой произведены на свѣтъ люди, совокуплена будучи съ естествомъ человѣческимъ, получаетъ силу свою отъ сотворенія, а причина правосудія, по которой Богъ будетъ судить людей добродѣтельно и худо жившихъ, утверждается концемъ ихъ; потому что отъ оной хотя имѣютъ бытіе, однако болѣе зависятъ отъ провидѣнія. И такъ обьяснивъ, сколько можно было, первое по порядку, не несправедливо будетъ доказать свое предложеніе

прочими

прочими доводами, то есть наградою и наказанїемъ, кои каждой человѣкъ отъ праведнаго суда воспрїиметъ по своимъ дѣламъ, и концемъ, который соотвѣтствовать будетъ жизни человѣческой, и изъ сихъ предположивъ естественно первоначальное, во первыхъ разсмотрѣть о судѣ. А дабы соблюсти начало и порядокъ въ семъ разсужденїи, то сїе одно присовокупимъ, что прїемля Бога яко создателя всего мїра, должно присвоять его премудрости и правосудїю попеченїе и провидѣнїе о всѣхъ вещахъ, ежели не хощемъ отвергать собственныхъ началъ; а сїе допуская не думать, что бы какая вещь земная или небесная исключена была отъ попеченїя и провидѣнїя, но во всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, малыхъ и великихъ признавать управляющїй Создателя промыслъ. Ибо все существующее имѣетъ нужду въ провидѣнїи Творца, а особливо каждое по своей природѣ и въ разсужденїи того, къ чему создано. За безполезное почитая тщеславїе раздроблять или раздѣлять, или изчислять порознь, что каждому естеству прилично, скажу только то, что человѣкъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово,

яко

яко голодный требуетъ пищи; яко смертный потомства; яко разумный суда. Ежели каждое человѣку случается по его естеству, и онъ требуетъ пищи, чтобъ жить, потомства, чтобъ родъ его продолжался, а суда, чтобъ законно употреблялъ пищу и производилъ потомковъ; то непремѣнно нужно, чтобъ, когда пища и потомство принадлежатъ къ тому, что составлено изъ двухъ частей, и судъ принадлежалъ къ тому же, то есть человѣку составленному изъ души и тѣла, и сей человѣкъ отвѣтствуя во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, принималъ за оныя награду или наказаніе. И такъ изреченіе праведнаго суда произносится по дѣламъ человѣка состоящаго изъ души и тѣла. Ибо не можетъ статься, чтобъ одна душа получила возмездіе за то, что содѣлала съ тѣломъ, когда она сама по себѣ несклонна ко грѣхамъ происходящимъ отъ удовольствій тѣлесныхъ, пищи или сладострастія; такъ же и тѣло одно не можетъ получить возмездія тѣмъ паче, что не чувствуетъ различія закона и суда; но человѣкъ, который изъ оныхъ состоитъ, подлежитъ суду за каждое дѣяніе. А въ настоящей

жизни отнюдь не находимЪ, чтобЪ оный судЪ законно соблюдаемЪ былЪ, а особливо когда видимЪ, что многїе злочестивые и утопающїе во всякомЪ беззаконїи и злѣ люди живутЪ до самой смерти во всякомЪ удовольствїи; а напротивЪ того препровождающїе свою жизнь добродѣтельно, подвергаются мученїямЪ, искушенїямЪ, клеветамЪ, ругательствамЪ и всякаго рода оскорбленїямЪ. Да и по смерти онаго найти не можно. Ибо уже нѣтЪ того, что состоитЪ изЪ двухЪ частей. Душа разлучилась отЪ тѣла, а тѣло обратившись вЪ то, изЪ чего составлено, не можетЪ сохранять прежняго своего бытїя или образа, кольми паче памяти прошедшихЪ дѣянїй. ИзЪ всего сего непремѣнно слѣдуетЪ то, что по словамЪ святаго апостола Павла подобаетЪ тлѣнному сему и разрушившемуся облещися вЪ нетлѣнїе, да по оживотворенїи чрезЪ воскресенїе мертвыхЪ и по соединенїи разлучившихся или совсѣмЪ разрушившихся членовЪ праведно прїиметЪ кождо, яже сЪ тѣломЪ содѣла или блага или зла.

ГЛАВА

ГЛАВА XVII.

Итакъ въ разсужденіи исповѣдывающихъ провидѣніе и пріемлющихъ одинакія съ нами начала или основанія, но потомъ не знаю для чего уклоняющихся отъ собственныхъ положеній можно употреблять сіи слова, а притомъ со избыткомъ, ежели распространить сказанное вкратцѣ; а въ разсужденіи тѣхъ, кои не соглашаются съ нами въ началахъ, должно предложить другое начало, и какъ будто сомнѣваясь съ ними о вещахъ изслѣдовать сію истинну вопросами, а имянно: жизнь человѣческая и нравы оставлены ли въ небреженіи, и не разлился ли по землѣ какой густой мракъ покрывающій невѣденіемъ и молчаніемъ какъ самихъ людей, такъ и ихъ дѣянія; или не гораздо ли лучше думать, что Творецъ управляетъ своимъ созданіемъ, и будучи надзиратель всего, что есть или бываетъ, судитъ дѣла и помышленія. Ежели нѣтъ суда дѣяніямъ человѣческимъ, то люди ничемъ не лучше безсловесныхъ животныхъ, да и сихъ самыхъ бѣднѣе тѣ, кои порабощая свои страсти, пекутся о благочестіи, правосудіи и другихъ добродѣтеляхъ;

а напротивъ

а напротивъ того скотская и звѣрская жизнь есть лучшая; добродѣтель глупое дѣло; прещенїе суда великїй смѣхъ; утопать въ сластолюбїи крайнее благо; и слѣдовательно должно принять мнѣнїе лестное разпутнымъ и роскошнымъ людямъ: да ямы и пїемъ, утрѣ бо умремъ. Ибо такой конецъ жизни есть по мнѣнїю нѣкоторыхъ не услажденїе, но совершенная безчувственность. Но ежели Творецъ людей имѣетъ какое либо попеченїе о своихъ тваряхъ, и на нѣкоторое время предоставляетъ разсмотренїе добрыхъ и худыхъ дѣлъ; то будетъ оное или еще въ семъ вѣкѣ, гдѣ добродѣтельно и порочно живутъ, или по смерти, когда находятся въ разлученїи и разрушенїи. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можно найти соблюденїя праведнаго суда. Ибо въ настоящей жизни ни добрые получаютъ награду за добродѣтель, ни злые наказанїе за беззаконїя; не упоминая о томъ, что при цѣлости природы, въ какой теперь находимся, смертное естество не въ состоянїи подъять наказанїя соразмѣрнаго беззаконїямъ многимъ или тяжкимъ. Разбойникъ, властелинъ или какойнибудь мучитель производя безчи-

1 Кор. 15.

безчисленныя кровопролитія можетъ ли чрезъ единую смерть воспріять достодолжное наказаніе; кто истинно не исповѣдуетъ Бога, препровождая жизнь исполненную всякаго своевольства и хулы, презирая божественныя права, нарушая законы, содѣвая студъ на женахъ и отрокахъ, искореняя неправедно города, сожигая домы съ живущими въ оныхъ, опустошая области, погубляя людей и цѣлые народы; того какъ въ семъ тлѣнномъ тѣлѣ достанетъ для подъятія соразмѣрнаго наказанія, а особливо когда смерть предваряетъ достодолжное мученіе, и смертное естество недовольно для понесенія наказанія и за одно беззаконіе? слѣдовательно не можно вообразить, чтобъ въ настоящей жизни послѣдовалъ судъ по достоинству, да и по смерти представить такого суда не можно. Ибо смерть есть или всеконечное истребленіе жизни, по которому душа съ тѣломъ купно погибаетъ и истлѣваетъ, или душа сама по себѣ остается неразрушимою, нерасточаемою и нетлѣнною, а истлѣваетъ и разрушается тѣло, не сохраняя ни мало памяти прошедшихъ дѣлъ, или чувствія страданій.

Но по

Но по совершеннѡмъ истребленїи человѣческой жизни не будетъ никакого попеченїя о мертвыхъ людяхъ, ниже суда въ разсужденїи жившихъ добродѣтельно или порочно, а должна наступить паки беззаконная жизнь, и множество слѣдующихъ за нею безмѣстностей, а притомъ и безбожїе яко глава беззаконной жизни. Ежели же изтлѣетъ тѣло и каждая часть онаго разрушившись возвратится въ сродныя сй стїхїи, а душа сама по себѣ останется яко нетлѣнная; то и въ семъ случаѣ не будетъ имѣть мѣста судъ яко отдаленный отъ правосудїя. Ибо беззаконно помышлять, что бы отъ Бога и у Бога происходилъ такой судъ, на которомъ не бываетъ правосудїя. Не бываетъ же на судѣ правосудїя, когда не цѣлъ есть содѣявшїй праведное или не праведное. Ибо учинившїй въ житїи дѣла, за которыя подлежитъ суду, былъ человѣкъ, а не одна душа. Словомъ сказать, въ семъ случаѣ отнюдь не будетъ сохранена правда. Ибо при полученїи наградъ за добрыя дѣла безъ сомнѣнїя тѣло претерпитъ обиду тѣмъ паче, что участвовавши въ похвальныхъ трудахъ лишится почестей воздаемыхъ добро-

добродѣтели . И когда душа не рѣдко получаетъ прощенїе въ нѣкоторыхъ преступленїяхъ въ разсужденїи тѣлесной скудости и нужды , то тѣлу лишиться участїя въ наградахъ , ради которыхъ вмѣстѣ съ нею въ жизни трудилось , не будетъ ли несправедливо ? напротивъ того ежели осудятся беззаконїя , то неправедно поступлено будетъ съ душею , когда одна воспрїиметъ наказанїе за тѣ прегрѣшенїя , кои учинила по безпокойствїю тѣла влекущаго ее къ своимъ прихотямъ и движенїямъ такъ , что иногда восхищенїемъ и какъ будто кражею отводится отъ истиннаго пути , иногда сильнымъ стремленїемъ влекома бываетъ , а иногда изъ угожденїя и ласкательства тѣлу впадаетъ въ пороки . Справедливо ли осуждать одну въ особенности душу за то , къ чему она по своей природѣ не имѣетъ ни желанїя , ни движенїя , ни стремленїя , какъ напримѣръ роскошъ , насилїе , сребролюбїе , неправосудїе и преступленїя отъ нихъ происходящїя ? Ибо ежели такїе грѣхи раждаются большею частїю отъ того , что люди не укрощаютъ волнующихся страстей , а волнуются страсти для того , чтобъ пособить

и удовле-

и удовлетворить тѣлу въ скудости и нуждѣ, кои суть причиною всякаго стяжанія и употребленія, такъ же бракосочетаній и другихъ житейскихъ дѣлъ составляющихъ порокъ или добродѣтель; то справедливо ли осуждать одну душу за то, чему прежде подвергается тѣло и влечетъ душу къ состраданію и участію въ дѣлахъ для него потребныхъ, и, когда похоть, удовольствіе, страхъ и печаль, коихъ всякая неумѣренность предосудительна, движеніе получаютъ отъ тѣла, во грѣхахъ отъ сюда происходящихъ обвиняя единую душу, налагать за оныя наказаніе на нее, ничего въ особенности не требующую, ни желающую, ни опасающуюся, ниже страждущую отъ того, что обыкновенно претерпѣваетъ человѣкъ? Да и положивъ, что страданія свойственны не одному тѣлу, но человѣку, какъ то и справедливо, не можно сказать, чтобъ оныя принадлежали къ душѣ, когда обстоятельно вникнемъ въ ея природу. Ибо ежели она отнюдь не требуетъ пищи, то никогда не пожелаетъ того, что не нужно къ ея существованію, не устремится къ тому, чего совсѣмъ по естеству своему не употребляетъ, да и не будетъ печалиться

 въ недостаткѣ

въ недостаткѣ денегъ или стяжанїй, яко ни мало къ ней не принадлежащихъ. А ежели она есть свыше всякаго тлѣнїя, то ничто пагубное ей неопасно. Она не боится ни голода, ни болѣзни, ни поврежденїя, ни увѣчья, ни огня, ни меча, отъ коихъ не можетъ получить никакого бѣдствїя или печали тѣмъ паче, что никакое тѣло или сила тѣлесная прикоснуться ей не въ состоянїи. И такъ ежели страсти присвоять душамъ въ особенности есть безмѣстно, то и грѣхи отъ оныхъ происходящїя возлагать на одни души, и за то подвергать ихъ наказанїю чрезвычайно несправедливо и недостойно суда Божїя. Сверхъ всего того не безмѣстно ли есть, наказанїя и награды за зло и добро относить до однихъ душъ, когда не можно и подумать, чтобъ благїя дѣла и злодѣянїя состояли особо въ душѣ; когда извѣстно, что всѣ добродѣтели, какїя ни есть, равно какъ и противныя имъ пороки принадлежатъ до человѣка, а не до души отдѣленной отъ тѣла и въ особенности бытїе имѣющей? Какъ можно представить, чтобъ мужество или терпѣнїе свойственно было единой душѣ, которая не страшится ни смерти, ни ранъ,

ни увѣчья, ни вреда, ни озлобленія, ниже происходящихъ отъ того болѣзней или бѣдствій? Какъ можно сіе помыслить о умѣренности или воздержаніи, когда никакое желаніе не влечетъ души къ пищѣ и соитію или къ другимъ удовольствіямъ и увеселеніямъ, и ничто ее внутри и извнѣ не обезпокоиваетъ и не раздражаетъ? Какъ можно напослѣдокъ вообразить сіе о благоразуміи, когда дѣемое, и то, что избирать и чего уклоняться должно, ни мало не касается до души, или лучше сказать, нѣтъ въ ней никакого движенія или естественнаго стремленія къ дѣлаемому? но въ какихъ душахъ находится сродное правосудіе въ разсужденіи себя самихъ, или въ разсужденіи другихъ вещей подобныхъ или разнородныхъ? Когда не можно сказать, откуда, кому или какъ имъ воздавать каждому справедливость по достоинству или по соразмѣру, выключая чести возсылаемой ими Богу, ежели не имѣютъ ни побужденія, ни движенія ко употребленію своихъ, или къ воздержанію отъ чужихъ вещей. Ибо употребленіе приличныхъ вещей и воздержаніе отъ оныхъ усматривается только въ тѣхъ существахъ, коимъ сродно употреблять вещи; а душа

а душа напротивъ того ничего не желаетъ и съ природы не склонна ко употребленію вещей, и слѣдовательно въ ней, какова есть, не можно найти собственной должности членовъ. Сверхъ того весма непристойно, изданные законы относить до человѣковъ, а подвергать суду, въ разсужденіи законныхъ или не законныхъ дѣяній, одни только души. Ибо кто принялъ законы, тотъ по праву и за нарушеніе оныхъ подлежитъ наказанію; принялъ же законы человѣкъ, а не одна душа, слѣдовательно человѣку, а не одной душѣ надлежитъ подъять наказаніе за преступленіе оныхъ; а особливо когда не душамъ заповѣдалъ Богъ, чтобъ воздерживались отъ непозволенныхъ дѣяній, какъ то: прелюбодѣянія, убивства, татьбы, хищенія, непочитанія родителей и отъ всякаго неправеднаго и вреднаго пожеланія чужей вещи. Заповѣдь: *чти отца твоего и матерь твою*, не приличествуетъ однимъ душамъ, до коихъ не принадлежитъ названіе отца или матери. Ибо души душъ не раждаютъ, но люди раждаютъ дѣтей. И сей: *не прелюбы сотвориши*, не можно ни словомъ, ни мыслію присвоить душамъ, когда въ нихъ нѣтъ различія

мужескаго

мужескаго и женскаго пола, или способности и похоти къ соитію; но гдѣ нѣтъ похоти, тамъ не можно быть соитію; а гдѣ нѣтъ соитія, тамъ не можетъ мѣста имѣть и законное соитіе, то есть супружеское; гдѣ же нѣтъ законнаго соитія, тамъ не можетъ быть не законнаго пожеланія чужей жены, или соитія, что составляетъ прелюбодѣяніе. На конецъ заповѣди: *не укради и не похощеши*, не сродны душамъ. Ибо сіи не требуютъ того, въ чемъ нужду имѣющіе отъ недостатка или потребности обыкновенно оное крадутъ или похищаютъ, какъ то: злато, сребро, скотъ или что нибудь другое способное къ пищѣ и одеждѣ, или какому либо употребленію. Безсмертному естеству безполезно то, что яко полезное вожделѣнно есть для скудныхъ. Впрочемъ обстоятельное о семъ предметѣ разсужденіе предоставляется желающимъ оный прилѣжнѣе изслѣдовать, или ревностнѣе вступить въ преніе съ противниками; а намъ, для коихъ довольно выше сказанное, и то, что согласно съ симъ утверждаетъ воскресеніе, пространнѣе предлагать оное излишно. Ибо мы не то положили намѣреніе, чтобъ ничего сюда принадлежащаго

не опускать

не опускать, но чтобъ вкратцѣ показать, какъ должно мудрствовать о воскресенiи, и чтобъ силу настоящихъ доводовъ представить образцемъ другихъ къ нимъ относящихся.

ГЛАВА XVIII.

По изслѣдованiи нѣкоторымъ образомъ предложеннаго остается разсмотрѣть доводъ отъ конца человѣческаго взятый, который не взирая на то, что уже довольно явствуетъ изъ вышереченнаго, потребно взять въ разсужденiе и присовокупить, дабы не показаться, что мы опустили оный по забвенiю, или не соблюли своего предмета и предпрiятаго въ началѣ раздѣленiя. Сихъ ради и другихъ къ нимъ принадлежащихъ причинъ не несправедливо будетъ сказать, что каждая естественная или художественная вещь имѣетъ непремѣнно собственный свой конецъ. Сiе не токмо доказываютъ намъ склонности человѣческiя и общее всѣхъ понятiе, но и свидѣтельствуютъ вещи въ глазахъ нашихъ представляющiяся. Не видимъ ли, что иный конецъ предлежитъ земледѣльцамъ, иный врачамъ, и паки иный растѣнiямъ земнымъ, иный питающимся сими животнымъ

и по

и по естественному теченїю произведенным? Ежели сїе ясно, и силы естественныя и художественныя, такъ же ихъ дѣйствїя конечно должны послѣдовать своему естественному концу; то непремѣнно нужно, чтобъ конецъ человѣковъ, яко особеннаго естества, изъятъ былъ отъ общенїя другихъ. Ибо непристойно полагать одинакїй конецъ тѣмъ, кои лишены словеснаго разсужденїя, и тѣмъ, кои поступая по врожденному закону и разуму, живутъ благомудро и правосудно. И такъ безпечность, которая приличествуетъ безчувственнымъ вещамъ, не можетъ составлять собственнаго ихъ конца; ни наслажденїе вещей питающихъ и увеселяющихъ тѣло и множество удовольствїй, иначе бы скотская жизнь непремѣнно должна была преимуществовать, а жизнь добродѣтельная быть несовершенною тѣмъ паче, что такїй конецъ свойственъ звѣрямъ и скотамъ, а не человѣкамъ одареннымъ безсмертною душею и умнымъ разсужденїемъ; ниже блаженство души отъ тѣла разлученной. Ибо мы здѣсь представляемъ жизнь или конецъ не одной которой-нибудь изъ двухъ частей, изъ которыхъ состоитъ человѣкъ, но всего человѣка,

составленнаго

составленнаго изъ обѣихъ, который такимъ образомъ получилъ жизнь; и слѣдовательно должно быть собственному концу его жизни. А ежели взявъ въ разсужденіе конецъ человѣка состоящаго изъ души и тѣла, не можно онаго найти ни въ семъ вѣкѣ, по причинамъ неоднократно уже помянутымъ, ни по разлученіи души съ тѣломъ, потому что такой человѣкъ не существуетъ, то есть, по разрушеніи или всеконечномъ разсѣяніи тѣла, хотя душа сама по себѣ пребываетъ; то непремѣнно нужно, чтобъ конецъ человѣка открылся въ другомъ нѣкоторомъ составленіи обѣихъ частей и тогоже животнаго, и слѣдовательно, необходимо должно быть воскресенію мертвыхъ или совсѣмъ разрушившихся тѣлъ, и паки тѣмъ же человѣкамъ составиться. Ибо закономъ естественнымъ опредѣлено быть концу не просто и не всякихъ людей, но тѣхъ самыхъ, кои жили въ предварительномъ вѣкѣ; а тѣмъ же людямъ паки составиться не возможно, ежели тѣже тѣла не будутъ возвращены душамъ; а тому же тѣлу получить туже душу иначе не можно, какъ посредствомъ воскресенія, по воспослѣдованіи котораго послѣдуетъ и конецъ приличный

естеству человѣковъ. Впрочемъ, конецъ жизни благомудрой и умнаго разсужденія справедливо и безъ сомнѣнія можно полагать въ вѣчномъ пребываніи безъ всякаго разлученія съ тѣми частями, изъ которыхъ наипаче и главнѣйше составлена разумная природа, такъ же въ созерцаніи высочайшаго Существа, и въ безпрестанномъ наслажденіи радостей отъ него уготованныхъ. Хотя многіе изъ людей, страстно и сильно прилѣпившись къ вещамъ здѣшняго вѣка, препровождаютъ свою жизнь такъ, что отнюдь не достигаютъ сего конца; однако множество таковыхъ, кои лишаются конца имъ назначеннаго, не уничтожаетъ общаго опредѣленія, когда предлежитъ имъ особенное изтязаніе, готовы такъ же награды и наказанія соразмѣрныя добродѣтелямъ и порокамъ каждаго.

Конецъ.

18.D6.5.3